

От редакции

Автор статьи член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины, профессор, доктор социологических наук, скромный и совестливый до безобразия... В работе энергичный. Интересный собеседник. Любящий семью и прилежных студентов. И кстати... Товарищ по перу и друг семьи Владислава Титова (если кто помнит героического шахтера, писателя Донбасса, автора повести «Всем смертям назло», а еще были «Ковыль — трава степная» и др.). Долгое время общался с товарищем по перу — Олегом Бишаревым, который исследовал жизнь и творчество Сергея Есенина и его ученика — поэта Ивана Приблудного (последний родом из Безгиново Новоайдарского района Луганской области).

Борис Нагорный представил нам статью, в ожидании того времени, когда великие личности оживут перед современным читателем не только со страниц своих произведений, но и историями своих жизней, наполненных вечными человеческими страстями: поисками смысла жизни, любимого дела, любимого человека.

Доброго Вам прочтения интересного материала от профессора Нагорного, и, эстетического наслаждения!

Ответственный редактор — Александр Левченко.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В ОЖИДАНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ТРУДА ПО СОЦИОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Борис Нагорный – профессор, доктор социологических наук

"Вежды склоните к праху Сен-Жюста,
Вежливо путайтесь в сопромате —
Но сохраните свежие чувства,
Свежие чувства сохраняйте.
Пошлые рожи на наших просмотрах.
Пол и возраст — какая чушь!
Что отличает живых от мертвых?
Свежесть чувств.
Где-то на пригородном вокзале
Я, очутившись, не отшучусь:
"Вы, гражданин, что-нибудь потеряли?"
"Свежесть чувств, — говорю, —
свежесть чувств".

Из последних стихотворений Андрея Вознесенского

Постановка проблемы или Г.Т. Маркс «О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов».

Наконец-то! Вышла книга, где главный герой — заведующий кафедрой социологии, специализирующийся по этносоциологии. Правда, в начале книги он представлен читателям не в самом выгодном свете. Более того, он покушается на самоубийство, готовясь прыгнуть с крыши многоэтажного дома: "Самоубийца на "Сан-Пабло" был мужчиной сорока лет, с круглым лицом без морщин, с грустными четкими бровями. Вся его эрудиция, нажитая за многие годы обучения, теперь исчезла. Из пяти языков, что он знал, не пригодился ни один — ни для того, чтобы поговорить с самим собой, ни для того, чтобы понять язык иллюзий, развившихся в его сознании". Проследим отчасти ход его мыслей: "Будучи преподавателем, я задумался над тем, кого я, в сущности, подготовил в университете? Послушных слуг или лидеров? Людей-автоматов или мыслителей?" ... "Я не использовал свои неудачи для того, чтобы пробуждать мечты, и не был достоин их. Я замечал опасности, хотел контролировать все, что происходило вокруг меня, поскольку боялся испортить свою блестящую карьеру ученого. Внутри я стал стариком, новые идеи меня не интересовали. Забыл, что великие мыслители были безумцами, шедшими на риск под собственную ответственность" [Кури, 2010].

Но дальше — повествование разворачивается в более оптимистичном ключе. На

крыше появляется новый герой — "продавец грез", который задает всем, в том числе и кандидату в самоубийцы, массу нелепых, на первый взгляд, вопросов, которые, как потом оказывается, имеют глубинный смысл. Уводит с крыши бывшего заведующего кафедрой социологии, присоединяет к своей разношерстной группе искателей смысла жизни, которые своей технологией избрали непрерывный опрос разных людей в любой обстановке.

Потом оказывается, что одним из главных героев книги является Продавец грез или Учитель, который хотя и не претендует на роль нового мессии, но все же не устает обращаться со своими вопросами-проповедями ко всем, с кем он сталкивается на пути своего интеллектуального бродяжничества с небольшой группой последователей. Вопросы, конечно, касаются смысла жизни и ее ценностей для разных социальных групп. Однако уже в новой книге бразильского писателя Аугусто Кури — "Покупатели мечты", вышедшей в русском переводе в 2011 году в издательстве "Клуб семейного досуга" (Харьков и Белгород), — обилие в общем-то правильных мыслей и Продавца грез, и бывшего заведующего кафедрой социологии начинает утомлять. Морализаторство явно преобладает над художественными достоинствами романа, читателю хочется более достоверной, "художественной" характеристики героев, разнообразия художественных приемов. К тому же, к концу новой книги оказывается, что Продавец грез является могущественным хозяином преуспевающего концерна "Мегасофт" (аналогию улавливаете?), решившим удалиться от руководства и меркантильных проблем...

И все же... Поскольку в двух книгах немало интересных и актуальных рассуждений одного из главных героев — завкафедрой социологии — о смысле преподавательского труда, о проблемах взаимоотношения преподавателя и студента, о роли социологии, — эти книги заслуживают подробного обсуждения в профессиональной сфере, особенно среди преподавателей. Эффективность такого обсуждения можно повысить ссылками на ранее опубликованные в профессиональных журналах работы. Например, на статью профессора Массачусетского технологического института Г.Т. Маркса, опубликованную еще в 1997 году в одном из американских журналов "О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов" [Маркс, 2008: с. 129-137].

Выполнение социологией своих основных функций в условиях быстро меняющегося мира во многом будет зависеть от множества факторов, в частности от того, насколько профессиональное социологическое сообщество будет оперативно и точно анализировать противоречивые и сложные социальные процессы и в какой мере сможет сформировать доступный, понятный язык, которым можно общаться с различными социальными группами населения.

Отдельная и вечная проблема — поиск современных форм профессионального общения со студентами. Как преподавателю конкурировать с компьютерными технологиями, с интернетовской информацией, как добиться, чтобы многовековые пласты социологической культуры не ассоциировались только с академическими портретами классиков, с биографическими данными в несколько абзацев?

К истории понятия "социология". Смею сознаться, что с опасением знакомлюсь в период "модулей" и сессий с контрольными и курсовыми работами студентов, особенно заочников. Боюсь интернетовской эрудиции. Боюсь снова встретиться с интернетовскими заимствованиями и шаблонами вроде знакомых всем преподавателям рассуждений об Огюсте Конте, основателе позитивизма, который, конечно же, был секретарем и учеником Сен-Симона, первым ввел понятие "социология" в научный оборот, доказывал, что социология должна быть теоретической дисциплиной в отличие от описательной "социальной физики" А. Кетле. Что главной работой его жизни был "Курс позитивной философии" и т.д.

Раньше я часто спрашивал таких студентов: Как они представляют себе в качестве живых людей тех классиков, которые сухим перечнем скользят по страницам учебников?

Как они представляют себе эпоху, в которой жил, например, Конт? Что особенного запомнилось в его биографии? (Теперь, когда социология не включена в обязательный блок гуманитарных дисциплин, когда студентам дозволен "свободный выбор" таких курсов, эти вопросы я вынужден, как и многие преподаватели, задавать все реже или только себе самому...).

Мрачные эти размышления были прерваны, когда я листал подшивку "Студенческого меридиана" и впервые за долгие годы наткнулся на обычные и поэтому особенно живые строки, столь редкие сейчас, когда мы говорим о великих прошлого: "В тот вечер, когда Огюст Конт собирался в гости к своему ученику Максу Мари, он меньше всего предвидел, что встреча с сестрой Макса не только перевернет всю его жизнь, но и расстроит всю его философскую систему". Ведь он утверждал, что "всякое позитивное мышление заключается преимущественно в способности "видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать, что должно произойти"... "Любовь настигла Огюста Конта, когда он меньше всего этого ждал. Ему 46 лет (в XIX веке — это возраст, даже для мужчины)".

В мае 1821 года Огюст Конт встретил свою будущую жену — Каролину Массин — девушку свободных нравов. "Свадьба состоялась в 1825 году, но церковные узы не остановили Каролину. Ока продолжала свои романтические встречи, что довело Огюста до безумия: его положили в психиатрическую больницу. Надо отдать должное Каролине: не щадя сил, она выхаживала мужа, которого врачи считали неизлечимым. Запоздалая преданность жены, ее уход за ним, домашние стены сотворили чудо — Огюст выздоровел. Но отношения, увы, были безвозвратно испорчены. Огюст более не доверял ей. Постоянное ощущение неуверенности, тревоги преследовало его. Он даже пытался покончить с собой, бросившись в Сену с моста Искусств. И опять его спасло чудо — случайный прохожий. Как будто Провидение берегло его для других испытаний".

И дальше (какой сюжет для романа Анри Моруа!) — апрель 1844 года. "Перед нами немолодой человек, полностью посвятивший себя науке. Некрасив, всегда одет в черное. Словом, трудно рассчитывать на взаимность красивой женщины. Клотильде де Во 29. У нее за плечами неудавшееся замужество. Живет с братом и матерью. Небольшая рента от дядюшки. Ей трудно и одиноко. Ее сердце открыто для любви. Но... Встреча с учителем брата принесла полное разочарование: стар, почти уродлив. Так встретились два одиноких человека, которым судьба приготовила испытания любовью. Он выдержал его. Ей пришлось труднее, она не полюбила" [Безелянская, 2008: с. 54-55].

Потом были два счастливых и трагических года для Огюста Конта. Его знаменитое высказывание насчет всякого позитивного мышления сменилось другим — более кратким и более эмоциональным: "Невозможно постоянно мыслить, но возможно постоянно любить".

Конт выстрадал эту фразу. Клотильда де Во виделась с ним только в семье брата, а в его доме была лишь дважды, и то — в сопровождении матери. Однако она была польщена кипящей страстью и эрудицией великого ученого (который, кстати, преподавал механику в знаменитой парижской Политехнической школе), аккуратно ответила на все 96 писем Конта. И все же в одном из писем написала самые жестокие для любого мужчины слова: "Я не способна отдаться без любви... не изводите себя воздержанием, оно для Вас мучительно". Можно только представить, что прочувствовал Конт, получив от любимой женщины совет завести любовницу.

Испытания продолжались: у Клотильды обнаружили запущенную форму туберкулеза, и Конт отдает все время и все средства любимому человеку. Клотильда умирает у него на руках 2 апреля 1846 года. Конт пережил ее на одиннадцать лет, продолжал писать обращенные ей письма, создавать свою религию, основанную на культе девы Марии, на способности женщины беспорочно зачать дитя. Он продолжал ходить на кладбище Пер-Лашез и читал на могиле любимой женщины обращенные к ней письма.

Потом они войдут в его "Исповедь — подарок влюбленным всех грядущих веков" [Безелянская, 2008: с. 54-55].

Профессор Виктор Георгиевич Городяненко в Днепропетровском национальном университете много лет вместе с коллегами по кафедре социологии проводит полезную и трудоемкую работу по подготовке хрестоматий по отечественной и зарубежной социологии, где представлены фрагменты научных работ классиков и их краткие автобиографические данные [Городяненко, 2007].

Логическим продолжением этой работы было бы составление кратких художественных биографий (или хотя бы эссе) классиков социологии. Какой увлекательный получился бы сборник!

На первом этапе можно было бы подготовить сборник уже опубликованных их работ, где помимо собственно научных концепций излагаются и впечатляющие факты их биографии.

Можно предположить, что насыщенность событиями жизни, интенсивность деятельности во многом способствовали тому, что П. Сорокин стал выдающимся исследователем XX века. Несколько цитат из работы "Революции и социология".

"... Как участник, я наблюдал за развитием всех трех фаз во время революции 1905-1908 годов. В 1917 мой опыт напрямую касался лишь первой и второй фаз этой эпохальной революции".

"... 26 октября 1917 года был днем моей женитьбы. Это было поистине революционное бракосочетание. После церковного венчания, на которое я, кстати, прибыл прямо с очень важного собрания, мы с женой и друзьями устроили получасовой легкий завтрак, после чего я вновь поспешил на очередное заседание. Только в периоды войны или революции могут случаться подобные вещи" [Сорокин, 1992: с. 223, 234].

Естественные для П. Сорокина упоминания об исторических личностях, с которыми он общался, чьи выступления слушал, с кем взаимодействовал в те революционные месяцы, впечатляют: Горький, Плеханов, Ленин, Савинков, Троцкий, Зиновьев, Набоков, Керенский, Вандервельде...

И еще две короткие выдержки из цитируемой работы: "Мой нерегулируемый образ жизни стал регулируемым. Не было фиксированного времени ни для обеда, ни для сна, ни для утреннего подъема, ни для работы. День ото дня я изнурял себя либо на поприще агитации, либо занимаясь массой текущих дел..."

"Мне предложили три поста во Временном правительстве — товарища министра внутренних дел, директора русской телеграфной службы, секретаря премьер-министра Керенского. После надлежащих размышлений я остановил свой выбор на последнем, хотя и очень сомневался, что при нынешних условиях смогу оказать большую службу стране" [Сорокин, 1992: с. 240].

Какая насыщенная биография у великого социолога! Сорокин потянул за собой в науку и в большую жизнь целую плеяду замечательных людей. Первый декан факультета социологии в знаменитом Гарварде дал путевку в жизнь многим выдающимся ученым. (Для краткости упомяну только одну фамилию — Мертон. Да разве только Мертон? Сорокин еще в России, до своего вынужденного отъезда благословил в науку Звоницкую, о которой мы практически ничего не знаем.)

Увлекательная книга получилась бы об Агнессе Соломоновне Звоницкой, которая родилась в конце XIX века (в 1897 году), была едва ли не первой женщиной среди социологического сообщества дореволюционной России. Поразительно, что первый том задуманного ею главного труда ее жизни "Опыт теоретической социологии. Социальная связь" вышел в 1914 году, когда ей было всего 17 лет.

К сожалению, второй и третий тома, хотя и были завершены, но не были опубликованы при ее жизни. (Вследствие вынужденной эмиграции Сорокина и ее ранней смерти — А. Звоницкая умерла в 1942 году в возрасте 45 лет. Архивы, хранившиеся у

двоюродной сестры, погибли во время блокады Ленинграда — безвозвратно) [Голосенко, Зверев, 1991: с. 75-80].

А какая увлекательная книга могла бы получиться о Зигмунде Баумане! Николай Бугров, рецензируя одну из его последних работ — сборник эссе "44-письма от текущего современного мира" (Bauman Z. 44 letters from the Liquid Modern World. — Cambridge: Polity Press, 2010. — 188 p.), точно заметил, что жизнь З. Баумана — "словно слепок непростой эпохи, на которую пришелся его жизненный путь". "Изначально — убежденный коммунист, офицер Войска Польского в годы войны, а затем сотрудник госбезопасности, он принимал участие во взятии Кольберга и в битве за Берлин, за что был награжден Крестом Храбрости.

После окончания войны он изучал социологию и философию в Академии социальных наук и в Варшавском университете. Затем целиком посвятил себя научной работе после вынужденного оставления службы в госбезопасности (1953). В январе 1968 года З. Бауман оставил ряды Польской объединенной рабочей партии, вскоре был уволен из университета и вынужден иммигрировать: сначала в Израиль, а затем в Великобританию. Период профессорства в университете Лидса (1971-1990) стал для ученого наиболее плодотворным" [Бугров, 2010: с. 200-203].

Рецензируемый сборник эссе известного ученого был написан по заказу одного из итальянских журналов, автору была предоставлена возможность писать обо всем, что он считал нужным. Он снова поражает читателей, может быть, самым драгоценным качеством исследователя — "свежестью чувств" (по Вознесенскому) и умением увидеть новые изменения в окружающем мире. З. Бауман, как никто, умеет обращаться с метафорами. Мы еще не успели в полной мере оценить точность его определений, таких как "текущая современность", а он уже, отсылая нас к польскому поэту Адаму Мицкевичу с его мистическим названием "Его имя Сорок четыре", вкладывает в эту цифру социологический смысл в контексте анализа проблемы социальных сетей.

По мнению З. Баумана, "при ближайшем рассмотрении мобильный телефон, Интернет во многих случаях "является бегством от существующего", скрывающим реальное одиночество человека в современном мире" [Бугров, 2010: с. 201].

Мне кажется, решение этой проблемы во многом зависит от эффективности союза социологии с литературой, с поэзией. Отрадно, что у нас появляются работы, где делаются успешные попытки соединить поэзию с серьезным социологическим анализом. К ним относится и монография Ю. Сороки "Видеть, мыслить, различать: социокультурная теория восприятия" (Харьков, 2010). В ней есть раздел с нестандартным названием "Мужское восприятие женщин".

Автор подчеркивает, что в качестве объекта для анализа пространства номинаций восприятия женщины мужчиной выбран такой культурный продукт, как стихи Булата Окуджавы 1960-1990-х годов.

Номинации, соотнесенные с женским персонажем и несущие в себе категории и схемы восприятия женщины и женственности, здесь представляют собой названия возрастных и ролевых женских идентичностей, значимых в контексте восприятия социальных реальностей автора.

Таким образом, по мнению Ю. Сороки, намечаются три типа женщин: не упоминаемое существо женского пола (потенциальная "женщина"), чарующая женщина ("женщина-горгона") и "моя женщина" (потенциальная "одна женщина").

Конечно, всякая классификация условна, и вряд ли Огюст Конт, работая над "Исповедью", думал, к какой социальной группе отнести Клотильду де Во.

В поисках новых форм изложения полученных результатов украинские социологи вторгаются в области, которые раньше считались монополией критиков и искусствоведов. Ю.Сорока своей монографией реализовала нестандартный проект, анализируя проблему пространства восприятия, вторглась в эту область и очень интересно проанализировала

такие категории, как детектив, кинофильм и теленовости, с точки зрения социолога. Более того, она не побоялась вторгнуться в ту, казалось бы хорошо изученную, проблему, каковой является творчество Булата Окуджавы, и достаточно подробно просмотрела вечно актуальный вопрос мужского восприятия женщины.

В содержательной рецензии Виктора Бурлачука на эту монографию Ю. Сороки (рецензия привлекает прежде всего тем, что ее автор уходит от традиционного для такого жанра пересказа содержания анализируемой работы и излагает свою точку зрения по узловым проблемам, находя емкие афористичные формулировки (например: "похоже, что с реальностью надо попрощаться, ведь социальное восприятие — это восприятие конкретных сообществ и групп, реальность исчезает в сутолоке конкурирующих способов восприятия социального мира"; "сама метафора "пространство восприятий" предполагает, что это пространство гетероморфно, в нем сосуществуют наблюдатели, находящиеся на разных позициях, на разных уровнях, обладающие различной социальной оптикой").

Рецензент высказывает, вероятно, обоснованное сомнение, "почему так сужен мужской взгляд", "взгляд на женщин одного-единственного человека, поэта Б. Окуджавы. На мой взгляд, социология не работает с такими индивидуальными объектами, как лирика того или иного поэта, каковой достаточно сложно выступить в качестве репрезентанта происходящих в обществе процессов" [Бурлачук, 2011: с. 206-207].

Наверное, да. Только следует признать, что часто поэзия, литература оперативнее и четче, чем социология, ставит диагноз и реализует прогностическую функцию. Блок почти сто лет назад написал знаменитые строки: "И в желтых окнах усмехнулись, что этих нищих провели". Не о современной "приватизации" слова? А бессмертное высказывание Дмитрия Кедрина: "У поэтов есть такой обычай — в круг сойдясь оплевывать друг друга"? А поэзии и песни Высоцкого: "И ни церковь, ни кабак, ничего не свято. Нет, ребята, все не так, все не так, ребята...".

Вывод, где приходишь к мысли о том, что когда-нибудь появится долгожданная фундаментальная работа "Социология и литература", в которой будущий исследователь, одинаково владеющий знанием истории литературы и истории социологии, опишет многовековую увлекательную историю взаимодействия и конкуренции литературы и социологии.

И великие личности оживут перед современным читателем не только со страниц своих произведений, но и историями своих жизней, наполненных вечными человеческими страстями: поисками смысла жизни, любимого дела, любимого человека. И мы по-новому увидим блестящую плеяду, ушедшую в историю: Питирима Сорокина, Михаила Ковалевского, Агнессу Звоницкую, Роберта Мертона, Зигмунда Фрейда, Зигмунда Баумана... И найдем в них свежесть чувств...

Получено: Апрель, 2013 год.

Сведения об авторе:

НАГОРНЫЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ – профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Восточноукраинского национального университета им. Владимира Даля (г. Луганск).